

Юные связисты из Тима

Свинцовые, набухшие влагой тучи тяжело плыли почти над самой землёй. Они группировались где-то далеко на западе, за той условной чертой, которую называют горизонтом.

Именно туда, к горизонту, был устремлён взор Вити Черткова. Ещё два часа тому назад там ничего не было. Теперь невозможно было отделить небо от земли – то и другое было черным-черно. Из этой черной бездны и выплывали тучи. Постепенно приближаясь, они становились то синими, то серыми с желтоватым оттенком. На некоторых временах возникали беловатые пятна.

Но не игра оттенков привлекала внимание мальчика. Тучи несли с собой непонятный, доселе не слышанный Витей гул. Он возникал тоже где-то за горизонтом, может быть, у самого Курска, и вместе с тучами медленно надвигался на него, Витю Черткова, такого маленького и беспомощного перед этим грозным явлением.

На город надвигался многоголосый гул орудий. Где-то там, за горизонтом, снаряды и бомбы рвали в клочья землю, прокладывая фашистским солдатам путь на восток. И было ясно, что как раз на этом пути стоит город Тим. Небольшой и уютный, он расставил свои белостенные домики на самом высоком холме Среднерусской возвышенности, окружённом с трёх сторон глубокими балками с крутыми откосами. Со стороны город казался игрушечным, сказочным. За эту сказочность, за уютность и красивый окружающий ландшафт Витя очень любил Тим. А ещё за то, что родился и жил в нём.

Только что же это происходит с родным городом? Он дрожит мелкой дрожью, временами даже колеблется. Кажется, кто-то огромный и страшный, притаившийся под землёй, пытается сорвать холм со своего места, трясёт Тим.

В предвидении неотвратимой беды жители покидали насиженные места. Подводы и грузовики увозили на восток женщин и детей, имущество и документы учреждений. Мимо районной конторы связи, около которой стоял Витя и радиотехник Переверзев, шли толпы беженцев. Молчаливые, хмурые, они с тревогой оглядывались на запад и спешили уйти подальше от города.

– А мы, Николай Григорьевич, когда будем уезжать? – спросил Витя Переверзева.

Техник повернулся к четырнадцатилетнему монтеру-электрику, глянул сверху в его широко раскрытые серые глаза, положил руку на плечо подростка и спокойно ответил:

– А мы, Витя, пока останемся. Будем при своём деле до последней возможности.

– А потом?

– Потом взорвём аппаратуру и тоже подадимся на восток.

Новость была настолько потрясающей, что Витя уже не мог стоять на месте. Позабыв обо всем на свете, он рванулся к двери, сломя голову вбежал в комнату, где сидели притихшие ребята – такие же подростки, как Чертков.

Сперва никто не поверил в сообщение Вити. Все с минуты на минуту ждали приказа на эвакуацию, готовились демонтировать радиоузел и телефонную станцию, упаковывать ящики. И вот тебе на, взрывать аппаратуру!

– Ты, Виктор, понимаешь, что говоришь? – крикнула в сердцах самая старшая из присутствующих телефонистка Аня Локтионова. – Да Николай Григорьевич за каждый винтик, за каждую кнопочку строго с нас спрашивал.

Аня знала, что говорила. Переверзев долго и упорно добивался нового оборудования для радиоузла. Накануне войны его хлопоты увенчались успехом. Весь район радовался, когда заработал новый радиоузел. Тогда многие пытались устроиться на работу в контору связи, но Переверзев не всякому доверял свое детище, придирчиво отбирал помощников. В те дни ни Витя Чертков, ни кто-либо из его сверстников не мог и думать о работе на районном радиоузле.

Но начавшаяся война внесла свои поправки. Опытные мастера ушли на фронт, и Николаю Григорьевичу пришлось комплектовать новый коллектив из школьников.

Переверзев, как и раньше, был придирчив. Он зачислял в штат самых любознательных и трудолюбивых ребят, кропотливо учил их. И добился своего. Ребята стали неплохими специалистами. Телефонная станция и радиоузел работали без перебоев. Люди даже забыли, что с этим серьёзным делом управляются мальчишки и девчонки. И удивляться этому не приходилось. В суровую военную пору подросткам многое доверяли. И они гордились этим, трудились усердно, по-взрослому.

И вот теперь всему пришел конец. Вошедший в комнату Переверзев подтвердил сказанное Витей. Уничтожение аппаратуры было суровой необходимостью военного времени.

Во время этого невесёлого разговора на радиоузел заглянул командир 160-й стрелковой дивизии полковник М. Б. Анашкин. Он объезжал город, который предстояло оборонять его полкам. Николай Григорьевич показал комдиву письменное распоряжение районного начальства, посетовал, что придётся взрывать ценное оборудование.

– Но ведь оно может пригодиться в другом районе страны, – стал доказывать Переверзев. – Может быть, вы дадите транспорт для эвакуации оборудования? Мы быстро разберём и упакуем аппаратуру. Груз пусть идет на восток, а меня с ребятами возьмите к себе. Говорят, на фронте очень нужны связисты.

– Без связистов много не навоюешь, – отозвался полковник. Он внимательно осматривал оборудование узла связи, что-то прикидывал, о чём-то размышлял. – Вот что, парень, – сказал он некоторое время спустя, – аппаратуру мы фашистам не оставим. И без того они много нахапали. И взрывать не будем, не так уж мы богаты теперь. Вот вам приказ: оставайтесь на месте, позаботьтесь, чтобы радио и другая связь работали, как часы. В нужный момент выделю транспорт и позабочусь об эвакуации оборудования вглубь страны. А вас с ребятами возьму потом к себе, нам связисты нужны.

Обрадованные таким оборотом дела, ребята повеселели. Снова заговорили умолкшие было репродукторы, застучали телеграфные ключи, зазвонили телефоны. Молодых связистов не смущало то обстоятельство, что им приходилось работать в непосредственной близости от фронта. Они гордились, что по их проводам, подключённым к армейской сети, передаются боевые распоряжения. Уже от того, что голос их громкоговорителей доносится до солдатских окопов, ребята сами чувствовали себя солдатами.

А обстановка на фронте с каждым днем осложнялась. Овладев Курском 2 ноября, фашисты нацелились на Щигры, Тим, Солнцево. Гром орудий слышался всё отчетливее.

И вдруг из Москвы пришла потрясающая новость: 6 ноября состоялось торжественное собрание, посвященное 24-й годовщине Октября, а на другой день традиционный парад войск на Красной площади. Связисты первыми узнали об этом и сейчас же оповестили жителей района и войска, обороняющие его. Ретрансляционная сеть действовала отлично, разнося людям вдохновляющее слово партии.

Юные связисты воспряли духом.

– Раз такое дело, – сказал Витя Чертков, обводя присутствующих радостным взглядом, – то нам спокойно можно оставаться на месте.

– Вот бы здорово было! – воскликнул Петя Аблаухов. – Наши вернутся из эвакуации, а у нас связь в полном порядке – слушай радио, звони, куда хочешь, посылай телеграммы...

Однако демонтировать узел связи всё же пришлось. Вечером 8 ноября громкоговорители в последний раз прогремели песней «Вставай, страна огромная» и замолкли. По приказу полковника Анашкина связисты снимали аппаратуру, упаковывали её в ящики. Через день оборудование было уже за пределами Курской области.

Оставшуюся аппаратуру – 2 коммутатора, 55 телефонных и 2 телеграфных аппарата, 10 радиоприёмников, 25 километров кабеля – принял под расписку начальник связи дивизии майор Н. М. Леонов. Телефонистка Аня Локтионова, радиомеханик Саша Логунов, моторист Петя Аблаухов, монтёр Витя Чертков и другие ребята вместе с Н. Г. Переверзевым влились в ряды 176-го отдельного батальона связи 160-й стрелковой дивизии.

В то время в части и подразделения дивизии полковника М. Б. Анашкина пришло много тимчан. Все горели желанием с оружием в руках защищать от фашистов землю, на которой родились и выросли. Среди новичков было много подростков.

Много юных тимчан оказалось и в батальоне связи. Всех их направляли в распоряжение Н. Г. Переверзева, который теперь имел звание техник-лейтенанта и командовал учебным взводом.

Учебное подразделение на фронте – это не то, что в тылу. Здесь нет оборудованных учебными пособиями классов, мебели. Здесь занятия проходят в самых неподходящих местах – в разрушенном доме или сарае, в овраге или воронке от бомбы, а то и просто на ходу. Взвод Н. Г. Переверзева был таким же боевым подразделением, как и другие. Юные связисты участвовали в прокладке линий связи между полками, батальонами и ротами, тянули кабель от огневых позиций батарей к наблюдательным пунктам, дежурили ни пунктах связи, устраняли повреждения на линии, заменяли выбывших из строя бойцов-телефонистов и радистов. Командиры не раз хвалили за расторопность и смекалку Витю Черткова и Петю Аблаухова. Однажды они особенно отличились: во время жестокой бомбёжки сумели отыскать обрывы на линии и быстро связать концы проводов.

Когда линия фронта стабилизировалась восточнее реки Кшень, учебный взвод получил возможность больше уделять внимания теоретическим занятиям. Под руководством своего опытного учителя ребята старались глубже познать дело.

18 декабря 1941 года началось наступление наших войск. 160-я дивизия за первый день наступления продвинулась на двадцать километров и освободила много населённых пунктов. Вскоре был освобожден и город Тим. Но теперь он был не-

узнаваем. Ни конторы связи, ни других зданий районных учреждений не было. Были сожжены и разрушены многие жилые дома. Где родные, что с ними, ребята не знали. Кого-то расстреляли фашисты, кого-то угнали на каторгу в Германию, кто-то погиб от бомб и снарядов. На пепелищах родного города ребята поклялись не выпускать из рук оружия до тех пор, пока враг не будет уничтожен.

И снова потекли дни напряженной боевой жизни. Часть ребят, успешно закончив курс обучения, уходила в подразделения связи полков и батальонов дивизии. На их место в учебный взвод Н. Г. Переверзева приходили подростки из Тимского, Щигровского, Солнцевского и других прифронтовых районов Курской области.

До конца июня 1942 года фронт стоял у восточных границ Курской области. Учебный взвод Н. Г. Переверзева располагался на живописном берегу реки Тим у села Успенки.

28 июня фронт пришел в движение. Началось новое летнее наступление гитлеровских полчищ. Под их натиском наши войска вынуждены были отступать.

Построился, готовый к трудному маршу, и взвод Переверзева. На левом фланге взвода стояло тринадцать подростков, самому старшему из которых едва исполнилось пятнадцать лет. Все они потеряли родителей, все с гордостью называли себя курсантами. Крепко сжимая детскими руками карабины, они были готовы к любым испытаниям.

Когда взвод вышел на окраину села, последний в строю курсант самый младший по возрасту и самый маленький по росту, Ваня Коваленко, обернулся и звонко крикнул:

– Мы ещё вернёмся назад, Успенка!

Сперва ребята шагали бодро. Но прошёл час, другой, третий. Темп движения снижался и снижался. Всё тяжелее давил на плечи вещевой мешок. Сильнее врезался в тело ремень карабина. А привала не было. Привала делать нельзя, можно оказаться в окружении. И ребята шагают, шагают, шагают. Жара. Фляги давно опустели. Лечь бы на обочину дороги, отдохнуть. Но нет, надо шагать. Ведь они, юные связисты, почти настоящие солдаты. Во всяком случае, они сами считают себя такими. Значит, держись бодрее, не хнычь, не жалуйся на трудности.

– Курсанты, не вешать носа!

Это голос Вани Коваленко. На его потном лице грязные разводы, пилотка сдвинута на затылок, весь он какой-то растрёпанный, как воробышек, побывавший в переделке, но шагает весело и подбадривает уставших товарищей.

День клонился к вечеру. Пройдено без малого семьдесят километров. На пути Горшечное. Кажется, опасность миновала. Переверзев подумывал о том, где бы сделать остановку на ночь. Ребята настолько вымотались, что вряд ли способны двигаться дальше. И в этот момент над колонной раздался истошный крик:

– Воздух!

Тревожный сигнал тут же повторило ещё несколько голосов. Над головой нарастал гул авиационных моторов. Люди бросились в стороны от дороги. Только подводы с женщинами и детьми остались на месте. Повозки сгрудились, сцепились друг с другом, никак не могут разъехаться. А бомбардировщики уже разворачиваются на боевой курс, из них вот-вот посыплются бомбы.

– По самолётам! Залпом!

Это голос Переверзева. Его взвод уже залёг в кювете, приготовился к открытию огня. Загремели выстрелы. Вслед за взводом курсантов открыли огонь по снижаю-

щимся самолётам бойцы других подразделений. Один из «юнкеров» так и не вышел из пике. Он врезался в землю неподалеку от дороги. Взрыв огромной силы потряс окрестности.

Обрадованные успехом, ребята усилили огонь. Самолёты опасались снижаться, бомбили с большой высоты и неточно, И хотя все они нацеливали удары на подводы, попасть в них не сумели. Женщины и дети были спасены.

Как убитые спали в эту ночь связисты. Спали прямо на земле в небольшом сачке. А на рассвете снова тронулись в путь. За три дня они прошли почти три сотни километров. Вот и Дон. На переправе у Семилук столпотворение. В воздухе ревут моторы, на земле рвутся бомбы. Мост скособочился. По нему спешат уйти на левый берег машины, повозки, бойцы, беженцы. В этой неразберихе курсанты-связисты не растерялись, не отстали от командира. Всем составом они миновали опасное место и строем зашагали к Воронежу.

Однако вскоре силы окончательно покинули ребят. Длинный путь, большое нервное напряжение, особенно на переправе, взяли своё. Пришлось сделать привал, И вдруг Переверзев увидел грузовик с дивизионным бортовым знаком, остановил его. Машина была доверху загружена каким-то имуществом, но капитан, сидевший в кабине рядом с шофером, согласился подвезти курсантов до штаба дивизии. Ребята, помогая друг другу, стали забираться в кузов. В этот момент налетели немецкие самолёты. Вокруг всё загрохотало, затрещало. Когда пыль рассеялась, ребята стали искать друг друга. Ваня Коваленко был убит осколком бомбы. Переверзев получил ранение и контузию.

Курсанты похоронили Ваню, отправили с попутной санитарной машиной в медсанбат Николая Григорьевича, а сами двинулись в Воронеж.

На этом и закончил своё существование учебный взвод батальона связи. Потеряв командира, курсанты присоединились к подразделениям разных частей дивизии, некоторые вообще оказались в других соединениях. В те дни на берегах Дона образовывалась новая линия обороны, шло большое передвижение частей, и трудно было разобраться, где теперь сосредоточилась родная дивизия.

– Прошло много лет, – вспоминает офицер запаса Н. Г. Переверзев. – Срок немалый, а в моей памяти часто оживают озорные лица ребят, их горящие глаза, возбуждённые голоса. И во всем этом чувствовалась радость жизни, безграничная любовь к Родине, священная ненависть к её врагам. Такими я их запомнил на всю жизнь. Как обидно, что в суматохе военных лет выветрились из памяти фамилии и имена многих курсантов. А ведь они, эти ребята, были настоящими героями, смелыми солдатами. Уверен, что многие из них не раз прославились на поле боя и заслужили правительственные награды. Жаль, что я не знаю об их ратных подвигах.

Да, в кутерьме войны затерялись следы многих героев. Но вот, изучая архивные документы 160-й стрелковой дивизии, я вдруг обнаружил, что в 443-м полку во время боёв на Урывском плацдарме отличились связисты двенадцатилетний Ваня Сорокин и четырнадцатилетний Ваня Мишин. Всего две строчки архивного документа. Сухо и буднично они зафиксировали факт. Но я уже понял, что речь идёт о тех самых ребятах из курсантского взвода Н. Г. Переверзева.

Догадку вскоре подтвердил бывший начальник штаба полка А. С. Луговской. Он сообщил, что оба Вани родом из какого-то села, расположенного около станции Кшень. Александр Семенович описал некоторые события из боевой жизни юных связистов.

В один из августовских дней, когда 3-й стрелковый батальон вёл бой за село Урыв на правом берегу Дона, оборвалась связь. Без неё штаб полка не мог обеспечить артиллерийскую поддержку наступающим ротам. На узле связи в этот момент не оказалось бойцов, все ушли на проверку линий. Юные воины Сорокин и Мишин поняли, что настал их черёд. Не дожидаясь приказа, они молча вскинули за спину катушки с кабелем и бросились на поиски повреждения.

Чем ближе к переднему краю, тем сильнее огонь врага. Рядом рвались мины и снаряды, но ребята продолжали бежать вдоль линии. Они уже умели по звуку угадывать место вероятного разрыва снаряда или мины и поэтому не кланялись каждому разрыву. А когда надо, ничком бросались на землю, держа в руке нить провода. Переправу через Дон бомбили. Связисты бегом проскочили её.

Обрыв был обнаружен на той стороне Дона неподалеку от моста. Взрывом унесло невесть куда три десятка метров провода. Отмотав с катушек нужный кусок, ребята срастили кабель. И вот уже Ваня Сорокин, подключив аппарат к отремонтированной линии, докладывает в штаб:

– Товарищ капитан, связь с плацдармом восстановлена!

– Молодцы, можете возвращаться назад, – сказал в ответ Луговской. По его приказу артиллеристы тут же открыли огонь по врагу.

Однако связисты не спешили покидать район переправы. Обстрел её продолжался, в любую минуту кабель опять мог быть повреждён.

– Лучше подождём, пока фашисты угомонятся, – рассудительно сказал Ваня Мишин.

Укрывшись в воронке, ребята ждали конца артобстрела и в то же время думали, как бы надёжнее обеспечить связь штаба с плацдармом. Первым интересную мысль высказал Ваня Сорокин. Поскольку переправа всё время находится под обстрелом, то линии связи постоянно находятся в опасности. А раз так, надо отодвинуть линию связи от моста лучше всего вниз по течению реки, где место прикрыто высотой и куда меньше падает снарядов и бомб.

Обсудив всё как следует, Сорокин и Мишин приступили к делу. На утлой дырявой лодчонке они протянули через реку кабель, хорошо закрепили и замаскировали его. Потом подсоединили провод к главной магистральной линии. С этого времени связь между берегами стала более устойчивой.

Потом, когда уже весь полк был на Урывском плацдарме, юным связистам пришлось обеспечивать связь между подразделениями непосредственно на переднем крае. словно юркие ящерицы, они ловко проползали по самым опасным участкам, находили обрывы, устраняли повреждения. Здесь ребята подружились с разведчиками и не раз вместе с ними пробирались в тыл врага.

«Много добрых дел было на счету этих юных фронтовиков, – читаем в письме А. С. Луговского. – Всех случаев не перечесть. Днём и ночью вместе с закалёнными в боях солдатами они несли тяжелую фронтовую ношу на своих детских плечах и никогда не жаловались на трудности. Этого нельзя забыть. Где сейчас эти славные ребята, как сложилась их дальнейшая судьба?»

Этими вопросами я и заканчиваю свое повествование о юных связистах-курянах. Никого из них мне до сих пор не удалось разыскать. Может быть, кому-то из читателей посчастливится больше. Может быть, объявится Витя Чертков, Аня Локтионова, Петя Аблаухов, Ваня Сорокин, Ваня Мишин, другие ребята из курсант-

ского взвода, их юные товарищи по оружию. И тогда можно будет познакомиться с новыми, ещё не известными страницами фронтовой жизни маленьких связистов.

Публикуется по: Герои в красных галстуках : сб. рассказов. – Воронеж, 1974. – 216 с. (<http://www.rulit.me/books/geroi-v-krasnyh-galstukah-sbornik-read-304844-3.html>)